

Либерализм = эгоизм

***С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук***

Коллеги, я был совершенно счастлив, читая доклад и слушая выступление. Потому что это высоко эрудированный, блестящий дайджест очень обширных теоретических, практических, пиаровских, рекламных и просто фальсифицированных материалов, которые апологетически защищают интересы меньшинства. Его можно определить как пассивариетов или тех самых либералов, которые защищают в Соединенных Штатах Америки свое право и свой интерес, затрачивая 600 млрд долл. в год на вооружение, что больше, чем расходы на вооружение во всех остальных странах мира, вместе взятых. А в истории этот интерес меньшинства защищали с помощью дубинки: стукнул по голове соседа и доказал свое право на свободу.

На самом деле либерализм — это явление, которое нужно было бы не в режиме дайджеста обсуждать (потому что никуда не придешь в этом режиме), а попытаться разложить на составные, когнитивно ответственные этапы. Я постараюсь тезисно это сделать.

Еще раз выражаю чувство благодарности докладчику, потому что им вызваны наши внутренние мыслительные процессы, приведшие к очень важным выводам.

Итак, первое. Либерализм — это, конечно, категория, производная от свободы. Свобода кого, от чего, зачем? Речь, естественно, идет о человеке. Человек, по определению, существо неиндивидуальное, потому что исчезает само смысловое понятие, чистая, снятая идея человека, если он заявляется как индивид. Человек — это категория, привязанная к социальности, к общественности, к множественности. Нужно понимать, что проблема свободы для индивида является абстракцией, неприменимой даже в порядке теоретического

конструирования, приближенном более-менее к реальности. Человек может быть свободен только внутри себя. Вся его свобода, о которой говорят постулаты религии, состоит в том, что он может выбрать между добром и злом. И ничего иного. Никто ему в этом ничего не может предписывать, не может его в этом ни контролировать, ни наказывать — никто, кроме его совести или строгого суда, если он будет. Но как только у Робинзона появился Пятница или — что то же самое — как только человек-индивид попадает в общество, то снятая идея свободы исчезает как таковая. Возникает прямо противоположная категория — соотнесения себя с другими. А это есть урезание свободы, а не ее апелляция, не ее гипертрофирование, что в чистом снятом виде пытаются присвоить себе теория, практика, идеология, имплементация разного рода в рамках апологетического либерализма.

Либерализм — это на самом деле эгоизм меньшинства. Причем меньшинства не слабого, которое защищают демократические и социальные принципы, а меньшинства сильного. Оно всегда было либо с дубинкой, либо с крейсерами, либо с ядерным оружием. Либо — если взять чуточку в иной плоскости — со средствами производства, т. е. с правом на собственность и правом обобрать своего неимущего соседа. А в современности происходит и дальнейшая удивительно интересная эволюция либерализма как насилия. Право собственности в конфликте «собственник — наемный труд» перевоплощается в право эмиссии денег, никем неконтролируемое, ничем не сдерживаемое, но по сути направленное на то же самое паразитирование меньшинства за счет большинства. Получается, что в снятом виде идея либерализма, которая защищает сильное меньшинство, тождественна претензии на право обеспечения себя за счет других, право на паразитирование и насилие. Либерализм и паразитирование, либерализм и агрессия — неразделимы.

Если рассматривать либерализм в исторической мега-шкале, постулируя, что человек и человечество существуют в

категориальном смысле, а не в смысле животного в социальном мире, то у этого научно «блестяще» защищаемого, идеологически воспеваемого либерализма никакого будущего нет. Больше того, есть расчеты, показывающие, что эгоизм, доведенный до гипертрофированных размеров в самой либеральной стране мира — США, представляет собой приговор самой этой стране. Сейчас, например, постиндустриализм, заключающийся в выводе труда и материального производства за границы Соединенных Штатов; гипертрофирование виртуальной экономики; паразитирование за счет эмиссии доллара в мировой валютной системе — приводят к напряжению и конфликту глобального характера. Не просто между наемным работником и капиталистом, или пролетариатом и капиталом, а между США и большинством мира, для которого вовсе не фетиш, не ценность, не историческая цель — приближение к тому самому либерализму, к которому Соединенные Штаты, будучи «прогрессивным» государством, подошли раньше. Они добрались только до системы паразитирования на всем мире, потому что потребляют в 2,5 раза больше, чем производят. Они воплотили тот принцип ростовщического обирательства своих соседей, против которого еще Христос призывал, выгоняя менял из храма. И все это выдается за высокоценностную идеологию, позицию, за достояние для всего человечества! На самом деле эта «свобода» — как право пренебрегать интересами, равенством и достоинством всех остальных — присуща только агрессивному, фашиствующему, паразитическому меньшинству. Эта «свобода» основана на праве силы. Поскольку это довольно омерзительная вещь, ее, конечно, нужно разрисовать, упаковать как вкусную конфету, выдать за вселенскую всеобщую ценность и попытаться навязать всему населению с помощью современных методов манипуляции сознанием. Но если всю эту шелуху убрать, то мы поймем, что это достояние для меньшинства — для нескольких семей банкиров США, которые правят миром, для нескольких российских олигархов, которые правят Россией,

и нескольких политиков, вообразивших, что у них есть сила паразитировать на всех остальных.

А эшелоны теоретиков, научных школ, вагоны литературы исчезают в воздухе, как только мы оказываемся вынужденными признать, что суть либерализма — не как подложной идеальной теории, а как политической реалии — заключается в эгоизме и насилии. А вовсе не в ценности свободы. Хотя есть много и более изощренных смысловых подлогов, часть из которых в докладе также прозвучала.